

Глава 1. Тогда он был ещё юн (Чжань Чжао)

Дальние странствия — затея утомительная. А Чжань Чжао, если признаться, больше всего на свете не любил лишних хлопот.

Да и мир боевых искусств — этот пресловутый «цзянху» — вовсе не казался ему райским местом. По правде говоря, он предпочёл бы тихую, размеренную жизнь где-нибудь в глуши, например, в родном Чанчжоу.

Но матушка всегда мечтала, чтобы он прославил своё имя. Даже на смертном одре она больше всего пеклась о его будущем и чести.

— Доблестный муж должен стремиться вдаль, Чжао-эр. Негоже тебе вечно оплакивать меня. Твой путь лежит за горизонт, к великим свершениям.

Впрочем, её можно было понять. Матушка, в девичестве госпожа Жун, сама когда-то принадлежала к миру боевых искусств и даже успела наделать там немало шума, пока отец Чжань не увез её, сосватав и заставив навсегда оставить прежнюю жизнь. Однако лихая удаль и неукротимый дух цзянху так и не выветрились из её души — она просто переложила свои несбывшиеся чаяния на плечи сына.

У Чжань Чжао был старший брат, Чжань Линь.

И хотя имя Чжань Линя тоже было известно в определенных кругах, по натуре он оставался чистокровным торговцем. Мастерство его, конечно, кое-чего стоило, но для серьезных дел в мире боевых искусств не годилось. Сказать, что он владел лишь «кулачным боем трехногой кошки», было бы грубым преувеличением, но и до настоящих мастеров ему было далеко. Он стоял где-то посередине: умел постоять за себя лучше обычных лавочников, но пасовал перед настоящими бродягами цзянху.

Так что «рыцарские грезы» госпожи Жун могли воплотиться только в младшем сыне.

— Считаю это исполнением последней воли матери, — Чжань Линь ободряюще похлопал брата по плечу и тут же вернулся к конторке, заставив косточки на своих белых нефритовых счетах щелкать с пулеметной быстротой.

«Последняя воля матери, значит?..» — Чжань Чжао подпёр подбородок рукой, погрузившись в раздумья.

На деле Чжань Чжао был на редкость почтительным сыном. Раз матушка велела не тратить годы на траур, а смотреть вширь и вглубь мира, значит, так тому и быть. Он всерьез занялся подготовкой, не желая, чтобы её душа, вознесшаяся к небесам, печалилась из-за несбывшихся надежд.

Правда, была одна сложность: он всё ещё не завершил обучение. Учитель, Ли Лао, не давал ему права покинуть школу. Это возвращение домой стало лишь исключением из правил, и наставник строго предупредил: второго раза не будет.

Учитель был человеком суровым и наделенным бесчисленными талантами. Он требовал, чтобы и ученик постиг всё без остатка, не допуская ни малейшей небрежности. «Раз взялся за дело — доводи до конца, не бросай на полпути», — таков был негласный закон, по которому Ли Лао воспитывал Чжань Чжао.

Когда минуло семь дней со дня смерти госпожи Жун, Чжань Чжао попрощался с братом и отправился обратно в школу.

— Чжао, не забывай о том, о чём просила мама.

— Младший брат помнит.

Впрочем, Чжань Линь прекрасно понимал: наставник их семьи — человек строгий, и если Чжань Чжао ушел в горы, то не видать его дома ни через год, ни через два. О вольных странствиях по цзянху пока не могло быть и речи.

Тогда Чжань Чжао было всего четырнадцать.

В этом возрасте он казался немного ленивым, и, несмотря на внешнюю невозмутимость, в его душе редко царил покой. Возможно, та безупречная вежливость и сдержанность «благородного мужа», которыми он прославится позже, закладывались именно тогда, под гнетом суровых тренировок. И, быть может, его исключительное внимание к деталям в каждом деле родилось из той боли, которую он испытал, наблюдая за угасанием матери.

Четырнадцать лет — пора беззаботности для большинства детей. Время, когда мальчишки в школах ерзают на скамьях, гадая, скоро ли учитель смилостивится и отпустит их фразой: «На сегодня закончим, не забудьте повторить уроки». Время, когда после занятий бежишь к соседской девчонке, чтобы вместе придумать какую-нибудь забаву и наполнить смыслом уходящее детство.

Или же — время стоять перед наставником, демонстрируя новую технику ударов, выученную у старших учеников, и ждать, когда тот, поглаживая бороду, одобрително улыбнется: «Неплохо. На этот раз вышло действительно дельно».

Но немногим выпадает в этом возрасте познать горечь вечной разлуки.

Чжань Чжао познал её слишком рано. Еще когда он стоял на коленях у постели больного отца, стиснув зубы и сдерживая слезы, матушка крепко сжала его плечо тонкой рукой. Её голос, когда-то мелодичный, а теперь охрипший, прозвучал сталью: «Мужские слезы не должны

литься попусту. Не смей плакать, это удел трусов».

Так с малых лет он привык к сокровенному «терпению».

Терпеть. Нужно просто перетерпеть — и беда отступит. Терпеть. Настанет день — и всё уляжется, какой бы тяжелой ни казалась ноша. Терпеть. Если выстоишь, всё пройдет. А если не выстоишь — что ж, тогда и проблем не будет, ведь тебя просто не станет.

Чжань Чжао понимал жизнь именно так. Выжил — значит жив. Не справился — значит мёртв.

Говорят, в мире нет преград, которые нельзя одолеть. Чжань Чжао лишь усмехался, слыша подобное. Как это нет? Если бы их не существовало, откуда взялось бы столько покойников? И тех, кого убили враги, и тех, кого съела болезнь, объединяло одно — они не смогли переступить через свою преграду. А те, кто разглагольствует о всеилии воли, просто еще не встречали на пути настоящий обрыв. Встретили бы — говорить было бы некому.

Суэта дней тянулась до тех пор, пока его учитель тоже не столкнулся со своей непреодолимой преградой. К тому времени Чжань Чжао, уже не раз терявший близких, казалось, окончательно оцепенел.

Ему больше не хотелось плакать. Но видеть, как жизнь, еще вчера бившая ключом, по капле утекает из плоти — это было невыносимо, сколько бы смертей ты ни видел до этого. Тем более, когда умирал человек, ставший тебе почти отцом.

Тогда Чжань Чжао только исполнилось пятнадцать. Смерть матери осталась позади всего полгода назад. Но мир непостоянен: за эти короткие месяцы нечто нечистое проникло в тело наставника, день за днем подтачивая его силы, пока болезнь не поглотила его целиком.

Говорят, добро всегда побеждает зло, но это лишь красивая сказка для тех, кто видит малую часть правды. В тени, сокрытой от чужих глаз, тьма слишком часто торжествует над светом, а люди принимают это как должное. Ведь какой бы праведной ни была душа, ей не совладать с кистью Владыки ада.

Эта черная кисть в руках Князя Тьмы не знает промаха, она росчерком забирает бесчисленные жизни. И даже такие мастера, как Ли Лао, не способны увернуться от этих когтей.

— Чжао... Жизнь переменчива. Нам, простым смертным, не совладать с судьбой... кха... — Кажется, наставник был совсем плох. Рука Чжань Чжао, державшая чашу с лекарством, дрогнула в такт хриплому кашлю человека, заменившего ему семью. — Не тревожься. Я рад, что ты рядом. За всю жизнь ты — единственный ученик, которому я могу со спокойным сердцем доверить дело... Теперь я могу уйти с миром...

Говорить ему было трудно, голос затихал, но он продолжал слабо улыбаться.

— Ты не разочаровал меня... Значит, и твоя шинян будет довольна...

Шинян? Жена учителя? Это слово отозвалось в памяти Чжань Чжао чем-то бесконечно далеким. Его наставник всегда был суров и аскетичен, жил почти как монах. Чжань Чжао порой казалось, что Ли Лао давно стёр в себе всякую человеческую привязанность, любовь или гнев.

— Чжао, запомни: если когда-нибудь встретишь в мире цзянху Лэй Юньцзэ, скажи ему... Пусть ищет меня в преисподней...

Лэй Юньцзэ? Кто это?

Чжань Чжао поставил чашу на стол, собираясь помочь учителю приподняться и допить лекарство, а заодно спросить, что это за человек и какая вражда их связывала. Но небо не дало ему шанса. Когда он обернулся, наставник, казавшийся когда-то непобедимым, испустил последний вздох. Его глаза, всегда полные живого огня, остекленели.

Свет погас навсегда.

Чжань Чжао поджал губы. Он не мог понять, что чувствует в этот миг. Возможно — всё сразу. А возможно — ровным счетом ничего. Долгое время он считал, что очерствел. Череду похорон — отец, мать... Видел, как жизнь обрывается снова и снова. Но теперь он понял: к смерти, начертанной кистью Владыки ада, нельзя привыкнуть. Кем бы ты ни был, сколько бы раз ни стоял у края могилы — сердце каждый раз сжимается заново.

Чжань Чжао смотрел на безжизненно свисающую руку учителя — на эти морщинистые пальцы, и вдруг почувствовал, как в носу предательски защипало. Глаза мгновенно покраснели, подступили слезы, но он не позволил им пролиться. Он терпел — так же упорно и горько, как терпел всегда.

«Мужские слезы не должны литься попусту», — учил его наставник. Если он сейчас разрыдается, учителю там, на небесах, это точно не понравится.

Стиснув зубы и подавив бурю в груди, Чжань Чжао подобрал подол своего светло-голубого халата и опустился на колени перед постелью покойного. Трижды он коснулся лбом пола, и глухие удары «дон-дон-дон» эхом разнеслись по тесной комнате. На бледном лбу юноши расцвело багровое пятно.

— Учитель, Чжань Чжао не обманет ваших надежд.

Это прозвучало как нерушимый обет.

Он медленно поднялся, словно не в силах расстаться с этим местом. Юноша всё еще плотно

сжимал губы. Хотел бы сказать что-то еще, но слова застряли в горле. Тот стоял, не зная, куда деть руки, потерянный и одинокий в своем горе.

Грушевый сад — странное место. Он был запрятан на одной из гор Сучжоуской префектуры. Там жили только двое: Чжань Чжао и старик.

Этот сад был великолепной усадьбой, окруженной горами и чистыми водами. Места здесь были удивительной красоты, но из-за удаленности и бездорожья случайные путники сюда почти не забредали. Никто и не догадывался, что в такой глуши скрывается подобное сокровище.

Тот старик, наставник Чжань Чжао, был великим мастером, давным-давно покинувшим мир боевых искусств. Его единственной гордостью на склоне лет стал этот последний ученик. Ли Лао никогда не хвалил его при жизни — он произнес скупые слова признания лишь в последний миг, когда молчать дальше было уже невозможно.

Из-за уединенности Грушевого сада все заботы о погребении легли на плечи юноши. К счастью, Чжань Чжао слишком часто видел смерть. Пусть он никогда не устраивал похорон сам, он знал, что нужно делать. Даже оставшись один, он справился со всем достойно.

Но когда он увидел, что от живого человека, полного силы и знаний, осталась лишь холодная каменная плита, на сердце вновь стало горько.

Наставник был прав: мир зыбок. Никто не знает, что ждет его за поворотом, и не дано нам прозреть замыслы Небес.

В наследство учитель оставил ему лишь Цзюйцюэ — древний меч из чёрного золота.

Что ж, по крайней мере, память будет жить в этом клинке. Чжань Чжао едва заметно улыбнулся, но в этой улыбке было столько невыплаканной горечи, что она, казалось, еще долго не сойдет с его лица.

<http://bllate.org/book/17405/1648550>